

**Проблема применения силы или угрозы силой в международных отношениях
в контексте глобальных трансформаций мирового правопорядка**

Бурьянов Сергей Анатольевич

E-mail: burianov-msk@ya.ru

В XXI в. человечество живет в мире глобальных процессов – непрерывно возрастающего усложнения, взаимопроникновения, взаимозависимости и открытости взаимодействий во всех сферах в планетарном масштабе. Объективно глобальные процессы направлены на формирование единой планетарной социально-техно-природной системы. Однако субъективно человечество оказалось к этому не вполне готовым, что наиболее наглядно проявляется в виде вооруженных конфликтов, количество которых отнюдь не уменьшается. В случае развязывания новой мировой войны с применением ядерного оружия количество жертв может сравняться с числом жителей планеты. Сегодня становится все более очевидным, что мировая социальная система разбалансирована вследствие неравномерности развития составляющих подсистем, и это лежит в основе глобальных проблем, угрожающих самому существованию человеческой цивилизации. Наряду с динамичным развитием финансово-экономической, информационной, культурной, наблюдается отставание в развитии политической, правовой и образовательной подсистем [3]. Многие исследователи пишут, что современные нормы и управленческие институты безнадежно устарели и оказались не способны к администрированию социальных и социально-природных кризисов в кардинально изменившихся условиях [4]. Более того, есть вероятность, что переход точки сингулярности сделает глобальные процессы окончательно неуправляемыми и необратимыми [9]. В указанном контексте вновь крайне актуализировалась дискуссия о современном состоянии и перспективах управления глобальными процессами в целях устойчивого развития, решения глобальных проблем, и в конечном итоге – о перспективах выживания цивилизации. Однако, формирование адекватной системы управления глобальными процессами в целях устойчивого развития и решения глобальных проблем не может быть оторвано от текущих теоретических и практических проблем международных отношений и современного состояния международного права. Здесь крайне актуальной представляется дискуссия об эффективности универсальных норм и институтов в ключевых сферах, одной которых является проблема неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях [5]. Устав Организации Объединенных Наций, наряду с иными нормами, закрепил в качестве основополагающих начал международного права взаимосвязанные принципы: разрешения международных споров мирными средствами; воздержания от угрозы силой и ее применения; обеспечения выполнения этих принципов всеми государствами для поддержания международного мира и безопасности. К закреплению этих принципов в качестве ядра международной нормативной системы человечество шло через череду кровавых войн и дипломатических ошибок, от права войны (*jus ad bellum*) XVII в. до принятия Устава ООН в середине XX века [14]. И, наконец, сегодня в XXI в. в условиях усиления глобальных процессов и проблем возникла жизненная необходимость их прогрессивного развития. В свое время трактат «Три книги о праве войны и мира» (*De jure belli ac pacis libri tres*) Гуго Гроция от 1625 г. стал одной из основ классического международного права. Также нельзя не отметить фундаментальную роль Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. Итогом работы Гаагской конференции 1899 г. стали три конвенции (о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях сухопутной войны, о применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 года) и три декларации (о запрещении на пятилетний срок метания снарядов

и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов, о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы, о неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплюсцивающихся в человеческом теле). На Гаагской мирной конференции 1907 г. участники приняли тринадцать конвенций (о мирном решении международных столкновений, об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, об открытии военных действий; о законах и обычаях сухопутной войны, о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий, об обращении торговых судов в суда военные, о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин, о бомбардировании морскими силами во время войны, о применении к морской войне начал Женевской конвенции, о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне, об учреждении Международной призовой палаты, о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны), а также одну декларацию о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров. Из-за того, что государства традиционно предпочитали решать споры военными методами, то третья Гаагская конференция, намеченная на 1915 г., не состоялась из-за Первой мировой войны. Лига Наций, основанная в 1919-1920 гг. стремилась к безопасности, разоружению, решению споров мирными средствами, но также не смогла предотвратить очередную мировую войну. Уже после завершения Второй мировой войны в 1945 г. запрет на применение силы в международных отношениях был юридически закреплен в Уставе ООН. Отклонение от данной нормы допускается только на основании решений Совета Безопасности ООН и для самообороны государств. В дальнейшем некоторое развитие данного принципа произошло в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН от 1970 г., в Заключительном акте СБСЕ от 1975 г., в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях от 1987 г. Однако, как показывает практика, воплощение принципа воздержания от угрозы силой и ее применения столкнулось с целым рядом проблем, свидетельствующих о крайне низкой эффективности международных норм и институтов, что, в свою очередь, препятствует формированию системы управления глобальными процессами в целях устойчивого развития. Прежде всего, проблемы связаны с механизмом вынесения решений Советом Безопасности ООН. СБ по Уставу ООН в случае установления угрозы миру может вынести решение о мерах принуждения к правонарушителю, в т.ч. военные меры. На самом деле данный механизм может работать эффективно только в случае консолидированной позиции постоянных членов СБ ООН (Великобритании, КНР, России, США, Франции). В частности, с этой целью был создан Военно-штабной комитет из числа представителей данных государств. В силу особенностей устройства Совета Безопасности, среди которых «право вето» постоянных членов, принятие решения о применении принудительных мер военного характера весьма затруднительно. Если 25 сентября 1992 г. СБ ООН была принята резолюция, предусматривающая применение вооруженных сил в связи с агрессией Ирака против Кувейта, то в 1994 г. резолюция по ситуации в Руанде была заблокирована США [8]. Понятно, что в условиях прошедшей «холодной войны» и нынешней «международной нестабильности» (новой «холодной войны»?) эффективность данного механизма устремляется к нулю. Это значит, что концепция международной безопасности, основанная на особых полномочиях «великих держав» (постоянных членов СБ ООН), выступающих в роли «мировых полицейских», и сформированная по результатам Второй мировой войны, нуждается в развитии. Действительно, после Второй мировой войны была создана всемирная система коллективной безопасности под эгидой Организации Объединенных Наций, которая лишь

отчасти справилась с задачей «избавить грядущие поколения от бедствий войны». «Система коллективных мероприятий, предусмотренная Уставом ООН, охватывает: меры по запрещению угрозы силой или ее применения в отношениях между государствами (п. 4 ст. 2); меры мирного разрешения международных споров (гл. VI); меры разоружения (ст. 11, 26, 47); меры по использованию региональных организаций безопасности (гл. VIII); временные меры по пресечению нарушений мира (ст. 40); принудительные меры безопасности без использования вооруженных сил (ст. 41) и с их использованием (ст. 42)» [2]. Право на индивидуальную или коллективную самооборону государств подразумевает возможность применения силы в качестве ответа на вооруженное нападение, при условии соблюдения норм и процедур ООН. При этом на практике возникают проблемы в определении понятия «вооруженное нападение», а также его содержания и его субъектов. Кроме проблем определения четких критериев недоступности применения мирных средств, а также соблюдения принципов необходимости и соразмерности [15], весьма дискуссионным является вопрос о применении упреждающих ударов в качестве превентивной самообороны. Как отмечает И.З. Фархутдинов, на смену принципиального запрета войны приходит новая доктрина «превентивной» войны как способа устранения международных угроз. ««Стратегия национальной безопасности США» 2002 г. (в ред. 2006 г.) предусматривает проведение военных операций за пределами их границ, в том числе без санкции Совета Безопасности ООН» [12]. Данная доктрина «направлена на расширение политики самообороны, основанной на угрозе негосударственных террористических групп и «государств-изгоев», спонсирующих такие группы» [12]. При этом, резолюции Совета Безопасности 1368 (2001) и 1373 (2001) поддерживают позицию, о том, что самозащита уместна при предотвращении масштабных террористических атак, таких как в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года [15]. Например, акция в Афганистане была проведена в октябре 2001 года, чтобы упредить нападения со стороны Аль-Каиды [13]. Комплекс проблем, препятствующих соблюдению принципа неприменения силы, связанных с реализацией права государств на самооборону, среди прочего усугубляется наличием «антитеррористического» пакета международных документов. Фактически, в силу отсутствия юридически корректного определения понятия «терроризм», упомянутые документы в значительной мере основаны на термине не вполне соответствующим принципу правовой определенности и требованиям современной юридической техники. На практике это означает противоречие принципу верховенства международного права, способствует произволу и насилию в международных отношениях. Напомним, что Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях, принятая резолюцией 42/22 Генеральной Ассамблеи 18 ноября 1987 года, подтвердила принцип, «согласно которому государства в своих международных отношениях воздерживаются от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства», а также «каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций». Особо подчеркнуто, что этот принцип является универсальным и «никакие соображения не могут использоваться в качестве оправдания угрозы силой или ее применения в нарушение Устава» - нарушения данного принципа влекут за собой международную ответственность. Более того, «ни одно государство не должно применять или поощрять применение экономических, политических или каких-либо других мер с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ». Однако, на практике, в условиях традиционного доминирования национальных интересов над интересами мирового сообщества, комплекс упомянутых выше проблем позволяет некоторым государствам осуществлять соответствующую силовую геополитику, сводя на нет усилия по сохранению мира и безопасности, в конечном итоге делая невозможным переход

к устойчивому развитию. Ссылаясь на ранжирование 192 государств по 13 параметрам в Политическом атласе [16], В.В. Шишков отмечает серьезное неравенство возможностей международного влияния. «Лидером являются США, за которыми следует группа государств, претендующих на влияние в глобальном масштабе, – Китай, Япония, ведущие государства Европы (Германия, Франция, Великобритания), Россия, Индия. Затем государства региональные или отраслевые лидеры (например, финансового, политического и/или идеологического влияния): Саудовская Аравия, КНДР, Турция, Республика Корея, Бразилия, Пакистан, Иран, Мексика, Египет, Индонезия и др.» [16]. В этих реалиях Джованни Арриги преддрекает в качестве наиболее вероятного сценария «необратимый распад системы или системный хаос» международных отношений, который «произойдет, прежде всего, из-за американского нежелания приспособливаться к меняющимся условиям» [1]. По мнению исследователя, «американское приспособление служит важным условием для некатастрофического перехода к новому мировому порядку». Однако, в условиях дефицита доверия, приходится наблюдать нелепую опору на «право силы» в традициях гегемонии, а не на «силу права». При этом очевидно, что в новых условиях глобализации общественных отношений гегемония в принципе не способна решать противоречия современного мира. В частности, в современном мире наблюдается тенденция, в соответствии с которой за национальными интересами государств фактически стоят интересы узких групп. Соответственно, одним из следствий дисбаланса политической сферы является явно чрезмерная социальная дифференциация, которая проявляется как на мировом, так и на внутригосударственном уровнях. Считаю, что одним из важнейших условий преодоления упомянутых проблем, является необходимость реформирования доминирующей сегодня однополярной модели международных отношений. А для этого необходимо исследование и учет тех процессов, которые в значительной мере определяют параметры данной модели. В конечном итоге это значит, что необходимо преодолеть отставание развития научно-образовательной, а затем правовой и политической подсистем общества. В указанном контексте нельзя не согласиться с мнением И.З. Фархутдинова о необходимости повышения эффективности норм международного права, в т.ч. с целью возвращения прежнего авторитета ООН, что невозможно без реализации принципа неприменения силы или угрозы силой. Кроме того, представляется крайне важным, что исследователь связывает возможность решения данных проблем с трансформацией общественной модели мироустройства. В частности, он подчеркивает, что «только отказ от тупиковой однополярной модели, навязываемой миру США, может способствовать повышению эффективности принципа неприменения военной силы и угрозы силой» [14]. Однако, при очевидной неприемлемости однополярной, вопрос о наиболее оптимальной теоретической модели международных отношений, соответствующей нормам международного права и современным реалиям усиления глобальных процессов, остается открытым. Тем более, что и двухполярная и многополярная системы международных отношений не исключают применения силы, что делает их не вполне эффективными в условиях формирования глобальной взаимозависимости. Следует отметить, что проблематика моделей международных отношений взаимосвязана с поиском подходов к формированию системы глобального управления. В частности, среди наиболее известных подходов к формированию системы управления глобальными процессами – мировое государство (правительство), глобальная управленческая система на основе ООН и межправительственных организаций, а также ее варианты с участием транснациональных корпораций и неправительственных организаций. Меньшую известность получили концепции с условным названием «управление без правительства», в т.ч. на основе сетевых структур гражданского общества. В качестве отправной точки можно взять позицию И.И. Лукашука, считающего, что новый мировой порядок должен быть основан на принципах демократии, общепризнанных прав человека

и верховенстве права [6,7]. «Для решения глобальных проблем необходимо обеспечить достаточно высокий уровень управления мировой системой в целом», что означает, с одной стороны «расширение полномочий в международной области территориальных подразделений государства, что дает возможность полнее учитывать их особые интересы и тем самым не только повысить уровень управляемости, но и ослабить центробежные тенденции», а с другой – «углубление международного взаимодействия государств, ведущее к росту роли и расширению полномочий международных организаций» [7]. В указанном контексте полагаю, что подходы, подразумевающие не только сохранение, но даже увеличение, коллосальной концентрации власти в планетарном масштабе, не соответствуют объективным тенденциям развития общественных отношений и изначально не имеют перспектив в условиях их дальнейшего усложнения. Можно сделать вывод, что переход к управляемости современными процессами требует формирования и принятия принципов и норм, соответствующих кардинально изменившимся (и продолжающим стремительно меняться) общественным отношениям. Полагаю, что в основе формирования адекватной системы глобального управления в целях устойчивого глобального развития должна лежать соответствующая система правовых норм и институтов, сформированная путем существенного реформирования системы международного права во взаимодействии с внутригосударственными правовыми системами, а также иными нормативными системами [11]. Более того, разработка и принятие правил поведения глобального общества является основополагающим в процессе формирования глобальной системы управления, что выдвигает на первый план проблему глобального права, а точнее, глобальной нормативной системы. В качестве вывода можно отметить, что прогрессивное развитие современного международного права должно следовать в русле коренных изменений мировой системы, где, прежде всего, речь идет о «переходе от военно-политической к политико-экономической основе мирового порядка» [8]. Это значит, что «на смену балансу сил должен прийти баланс интересов» [13]. В условиях кардинально изменяющихся общественных отношений необходимо формирование принципиально новой модели мироустройства, исключающей применение силы или угрозы силой в международных отношениях. [1] Арриги Дж. Глобальное правление и гегемония в современной мироземле // Прогнозис. № 3 (15). 2008. С. 3-17. [2] Бирюков Н.П., Бурьянов С.А. Инсур Фархутдинов: Обеспечение мира и безопасности в Евразии (Международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором Евразийского юридического журнала Инсуром Забировичем Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. № 10 (89). 2015. С. 8-15. [3] Бурьянов С.А. Свобода совести как глобальная ценность. На пути к политическому единству и решению глобальных проблем // Век глобализации. № 1. 2009. С. 136-151. [4] Бурьянов С.А. IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. № 10 (89). 2015. С. 348-353. [5] Бурьянов С.А. Принцип неприменения силы или угрозы силой в условиях усиления глобальных процессов // Евразийский юридический журнал. № 9 (100). 2016. С. 8-15. [6] Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / Лукашук И.И. М.: Спарк, 2000. – 279 с. [7] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с. [8] Лукашук И.И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И.И. М.: Волтерс Клувер, 2005. – 517 с. [9] Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурнопсихологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Издательство МБА, 2013. – 440 с. [10] Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с. [11] Права

человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): Коллективная монография: в 2-х книгах. Книга I. (Под ред. А.И. Кривенького). М.: МГПУ. 2016. – 212 с. [12] Фархутдинов И.З. Международное право и доктрина США о превентивной самообороне // Евразийский юридический журнал. № 2 (93). 2016. С. 23-31. [13] Фархутдинов И.З. Международное право о применении государством военной силы против негосударственных участников // Евразийский юридический журнал. № 1 (92). 2016. С. 59-76. [14] Фархутдинов И. З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. № 11 (90). 2015. С. 34-38. [15] Фархутдинов И.З. Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. № 1 (92). 2016. С. 91-100. [16] Шишков В.В. Анализ предпосылок формирования неоимперских центров в XXI веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 199.